

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы
Семинар «Русский XVIII век»

Литературная культура России
XVIII века

Выпуск 5

Санкт-Петербург
2014

Ответственные редакторы:
П. Е. Бухаркин
(СПбГУ / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург),
Е. М. Матвеев
(ИЛИ РАН / СПбГУ, Санкт-Петербург).

Редколлегия:
А. Ю. Веселова (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург),
С. С. Волков (ИЛИ РАН / СПбГУ, Санкт-Петербург),
Е. И. Кислова (МГУ, Москва),
U. Jekutsch (Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Greifswald),
M. Levitt (University of California, Los Angeles),
М. В. Пономарева (СПбГУ, Санкт-Петербург, отв. за выпуск),
А. Ю. Тираспольская (СПбГУ, Санкт-Петербург, отв. за выпуск)

Л64 **Литературная культура России XVIII века. Выпуск 5** / под ред.
П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева — СПб.: Филологический факуль-
тет СПбГУ, 2014. — 306 с.
ISSN 2310-5569

Настоящий сборник является пятым сборником научных статей о ли-
тературной культуре России XVIII в.а, подготовленным на филологиче-
ском факультете СПбГУ. В сборник включены научные работы, посвящен-
ные проблемам изучения истории русской литературы и литературной
культуры XVIII столетия.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей-
филологов, а также для всех интересующихся проблемами изучения лите-
ратурной культуры XVIII столетия.

ББК (2Рос=Рус)1

К. В. Манерова*
М. В. Корышев**

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ЭЛОКВЕНЦИИ
В МАРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ПРОФЕССОР И.-А. ГАРТМАН (1680–1744)**

Ключевые слова: И.-А. Гартман, риторика, европейское Просвещение, университет г. Марбурга, М. В. Ломоносов.

В период Просвещения язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Статья посвящена одному из признанных мастеров элоквенции в Германии: профессору Марбургского университета Иоганну Адольфу Гартману. Его научные интересы охватывали историю, философию, теологию, теорию стихосложения и риторику.

Для немецкого Просвещения периода первой половины XVIII в. понятия “Stil” (стиль) и “Geschmack” (вкус) являются устойчивыми константами, наряду с логико-философскими категориями “Vernunft” (разум) и “Denken” (мышление). Научный и пуристический интерес к немецкому языку способствует его развитию и утверждению в статусе языка народа, обладающего высокоразвитой культурой (нем. Kultursprache). В это время язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, и, как следствие этой тенденции, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Одним из признанных мастеров элоквенции в Германии считают профессора Марбургского университета Иоганна Адольфа Гартмана. Его интересы, согласно тенденции к универсализму, характерному для ученых XVIII в., охватывают несколько сфер, в частности, историю, философию, теологию, теорию стихосложения, риторику.

* Кристина Валерьевна Манерова, канд. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

** Михаил Витальевич Корышев, канд. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Достаточно репрезентативная для немецкой культуры первой половины XVIII в. фигура, И.-А. Гартман важен и для осмысления русско-немецких научных и культурных контактов того времени. Дело в том, что его преподавание в Марбурге совпало со временем обучения там М. В. Ломоносова и его сотоварищей — Д. И. Виноградова и Г.-У. Райзера. И хотя во многих исследованиях, которые посвящены деятельности М. В. Ломоносова как ратора и члена Исторического собрания Академии наук (М. И. Радовский, В. В. Фомин, П. Е. Бухаркин), нет упоминаний о Гартмане, его деятельность в немалой степени определяла тот контекст, в котором происходило становление взглядов русских студентов, в частности — М. В. Ломоносова. Отметим, что устойчивый интерес Ломоносова к проблемам риторики и истории начал развиваться в Германии.

Подробную биографию немецкого просветителя, написанную на основе рассказов самого Гартмана, приводит Фридрих Вильгельм Штридер (Strieder 1785: 289–312). Ф.-В. Штридер отмечает следующее: Гартман сам начал писать свою биографию, но успел дойти лишь до эпизода в Португалии. Вдова Гартмана передала эти записи проф. Гаасу, который и завершил очерк биографии немецкого просветителя.

Иоганн Адольф Гартман (Johann Adolph Hartmann, известно 13 вариантов написания имени Гартмана на немецком языке, 10.03.1680–31(?).10.1744) родился в г. Мюнстере в семье имперского нотариуса, поверенного в делах, хранителя печати в церковном суде епископата Адольфа Генриха Гартмана. Начала латыни и католического вероучения Гартману преподавал домашний учитель, позже, а именно с 1689 г., обучение продолжалось в гимназии г. Мюнстера, где уроки патера Мейра, иезуита, так повлияли на юного Гартмана, что он решил вступить в этот орден и посвятить свою жизнь изучению и приумножению сакрального знания. Однако во время обучения в гимназии Гартман интересовался не только толкованием Божественного писания, не меньший интерес представляли для него занятия светскими дисциплинами, а именно поэтикой, красноречием и философией, которые в гимназии вел талантливый молодой профессор Иоганн Ремпен. Ремпен, иезуит и страстный приверженец католицизма, к методике обучения подходил как

светский профессор, трактовал свой предмет широко и стремился привить своим ученикам универсальный подход к его изучению. Особое внимание в обучении Гартмана Ремпен уделял логике как одному из разделов философии, обязательному в гимназическом преподавании, а также совместным с патером Мейром занятиям по ведению диспута как необходимой подготовке к будущему вступлению в орден иезуитов. Гартмана в этих занятиях привлекали методические разъяснения профессора Ремпена о необходимости четко формулировать задачу и ясно выражать мысль в диспуте, о выборе средств убеждения, аргументации, то, чего впоследствии ему будет не хватать в самом учении иезуитов. Ремпен занимался с Гартманом до 1695 г., затем профессора сменил пастор Кнауф, однако его консервативная манера преподавания и ограниченное толкование философии так сильно отличались от интересных занятий профессора Ремпена, что Гартману приходилось изучать другие разделы философии во многом самостоятельно. Вынужденное самообучение, однако, принесло свои плоды, и в 1698 г. Гартман успешно защитил избранные тезисы по философии и был принят в орден иезуитов.

Вместе с другими шестью кандидатами он отправился в семинарию города Трира, куда и прибыл в последний день мая 1698 г. В семинарии ордена новообращенный Гартман занимался так называемыми духовными упражнениями, заключающимися в основном в наблюдениях и размышлениях о тяжести греха, о наказании, вечном блаженстве, божественной любви. Гартман стремился к занятиям светскими дисциплинами, собственно наукой, но основное обучение новообращенных в иезуитских семинариях ограничивалось формированием у семинаристов так называемой «рабской покорности» вышестоящим и отрицанием ценностей других религий, — концепцией, сформулированной Игнатием Лойлой (нем. *Kadavergehorsam*). Гартман провел в семинарии г. Трира два года, по ее окончании в 1700 г. он вернулся в Мюнстер, где снова занялся изучением философии и литературной поэтики. Следуя традиции иезуитов не задерживаться долго на одном месте, в 1701 г. он переехал в небольшой город Косфельд на границе с Голландией.

Несколько неприглядных историй, в которых были замешаны монахи-иезуиты из этого города и свидетелем которых был

сам Гартман, оставили в его душе неприятный осадок и породили сомнения. Его поразило то, что поведение его братьев по ордену было в высшей степени греховным, нарушало все принципы, привитые им католической верой, но виновники не были наказаны, более того, их оставили в рядах ордена иезуитов.

Гартман попросил перевести его в другое место и в 1703 г. получил направление в г. Еммерих-на-Рейне, где смог заняться тем, что его увлекало, а именно преподаванием риторики и поэтики в гимназии. Среди его учеников было два протестанта, выгодно отличавшихся усердием и дарованием среди других мальчиков, и в ходе общения с ними полное предубеждений отношение Гартмана к людям не католической веры постепенно сменилось уважительным интересом к протестантизму, что в дальнейшем изменило не только его духовные и нравственные ориентиры, но и жизнь.

В возрасте 33 лет (1713 г.), сразу после получения ученого звания профессора, Гартман решил посвятить себя миссионерской деятельности. Согласно прошению, начинающий миссионер получил назначение в Восточную Индию. Из Голландии через Англию в Португалию и далее по морю в Индию — таков был план Гартмана. Однако на пути в Португалию случилось недоразумение: капитан английского судна, на котором плыл Гартман, принял появившиеся на горизонте корабли своего же соотечественника — английского адмирала Бинга — за пиратские суда и завернул в северо-испанский порт Виго, отказавшись плыть дальше. Из этого портового города Гартману пришлось продолжать свой путь в Лиссабон по суше. В пути он заболел: как иносказательно пишет биограф, «португальский воздух подействовал на него губительно», в действительности же недуг Гартмана был следствием легочной инфекции, в те времена называемой «португальской лихорадкой»; по тяжести протекания эту болезнь приравнивали к чуме. Помощь Гартману оказали в иезуитском монастыре в Лиссабоне. Болезнь изнурила Гартмана, и настоятель монастыря посоветовал ему не продолжать свое путешествие с благими миссионерскими целями, а вернуться домой и там продолжить свое служение в лоне католической церкви. Можно только догадываться о том, воспринял ли Гартман свой недуг и вызванное им крушение

намерений как некий знак свыше, стал ли он свидетелем других неприглядных поступков братьев-иезуитов в монастыре, какие беседы зародили в нем сомнение в истинности его веры, но в нем случился внутренний перелом: ценность католицизма утратила для него свое значение. По возвращении в немецкий г. Падерборн Гартман решил перейти в протестантизм.

В то время известным оплотом протестантизма в Германии было ландграфство Гессен (например, в 1686 г. туда перебрались, спасаясь от преследования во Франции, около 4000 гугенотов), и Гартман решил искать пристанища там. Он подал прошение о защите гессенскому министру, и в 1715 г. ему удалось перебраться в г. Кассель. Там же в 1715 г. он перешел в протестантскую веру.

Не удивительно, что в протестантских графствах и княжествах Германии с недоверием относились к беглым иезуитам. Однако Гартману, прозелиту, разрешили не только преподавать в кассельском протестантском учебном заведении Collegio Carolino, но и выступать с речами по торжественным случаям при дворе суверена — ландграфа Карла Гессен-Кассельского. Студенты и коллеги превосходно отзывались о Гартмане, и 27 июля 1716 г. решением ландграфа его утвердили в звании профессора философии и поэтики, позже — истории и элоквенции, чему 24 ноября Гартман получил соответствующее свидетельство. Отношение к Гартману в Гессене было особым, ландграф Карл высоко оценил личность и одаренность бывшего католического миссионера: по высочайшему повелению Гартману стали выплачивать высокое жалование и, что редко случалось, через полгода удвоили его.

С 1722 г. профессор элоквенции и истории Иоганн Гартман преподает уже в Марбургском университете. Здесь Гартман читал лекции по своим любимым дисциплинам: красноречию, истории, философии, а также обучал студентов искусству ведения диспута.

«Работоспособность, честность, тщательность исполнения обязанностей и добродетель Гартмана принесли ему заслуженное уважение и многие материальные блага» (Strieder 1742: 297).

На сайте архива Марбургского университета размещен индекс лекций профессорского состава философского факультета

Марбургского университета с 1722 по 1743 гг., в который включены и лекции профессора И.-А. Гартмана (Indices). Преподавательская «нагрузка» профессора Гартмана органично совмещала занятия по истории и стилистике, позже и по философии. Как можно заключить из архивного материала, в качестве герменевтического источника и предмета обсуждения для занятий Гартман выбирал преимущественно авторов, носителей т. н. «золотой латыни», произведения которых могли иллюстрировать студентам и толкование истории, и анализ приемов риторики. Как видно из анонса предлагаемых курсов, в разное время Гартман отдавал предпочтение следующим авторам и произведениям: это Цицерон, Тацит «Германия», Цезарь «Записки о Галльской войне», Светоний «Жизнь 12 цезарей», Валерий Максим «Достопамятные деяния и изречения», Луций Флор «Римская история», Тит Ливий «Римская история», Курций Руф «История Александра Македонского». Безусловно, предлагаемые для изучения работы свидетельствуют о прекрасной начитанности самого Гартмана, о его склонности к комплексному интерпретационному анализу. С другой стороны, именно этим авторам в отображении исторических событий свойственна острота восприятия жизни, что, безусловно, нашло свое выражение и в языке, в селекции языковых средств. Выбор произведений указанных авторов для комментирования можно назвать прекрасно продуманным. Так, Цезарь, Ливий, Валерий Максим — признанные уже в античности (военные) историки и мастера красноречия; Курций Руф, вероятно, уделял больше внимания риторике, чем исторической правде, однако, его сочинение написано образным языком, и, как известно, было источником для изложения основ стилистического анализа не только в немецких университетах.

Дополнительные практические занятия на философском факультете детализируют действительно обширные научные интересы Гартмана в области гуманитарных наук. В разные месяцы он занимался со студентами стилистикой, ораторским искусством, эпистолографией, всеобщей историей, историей Германии и отдельно Гессена, историей литературы, историей Священной Римской Империи, логикой, географией, геральдикой. Необходимо сказать, что Гартман не только преподавал

данные дисциплины, как практик он с успехом применял их принципы и основные положения, например, в написании собственных трудов. Его библиография насчитывает свыше 70 работ. Гартман является, среди прочего, автором известных жизнеописаний понтификов XI и XII вв., вовлеченных в так называемый «спор об инвеституре» — Урбана Второго, Геласия, Каликстия (Hartmann 1742). Гартман — автор крупных работ по истории Германии, написанных преимущественно на латыни. С 1726 г. ему было доверено написание истории ландграфства Гессена “Historia Hassiaca”, эта работа вышла в трех томах (1741–1746 гг., третий том вышел уже после смерти автора) (Hartmann 1741–1746). Гартман интересовался и филологическими исследованиями: в работе “Vera mentis notion ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Reliqua” (Hartmann 1730) проводится детальный этимологический и стилистический анализ понятий «*mens*» и «*anima*» в работах античных и других авторов. Гартман упоминается и в качестве научного консультанта и редактора для более чем 40 диссертаций по философии, теологии, теории стиля, истории, выполненных на философском факультете университета г. Марбурга. Принципы античного красноречия Гартман использовал при написании «окаzionaliальных» речей: панегириков и надгробных речей, в чем он был особо искусен. Известными примерами панегириков в немецкой риторике являются речи Гартмана в честь своего суверена, короля Швеции и ландграфа Гессен-Кассельского Фридриха Первого (см.: Hartmann 1720).

В 1737 г. студентом Марбургского университета становится Михаил Ломоносов. Упоминания занятий Гартмана в историографии М. В. Ломоносова не часты. В «Сведениях о лекциях, читанных в Марбургском университете», подготовленных для М. И. Сухомлинова и хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН, Фонд 20, опись № 006, единица хранения 59), не содержится подробного описания учебных занятий И.-А. Гартмана. М. И. Сухомлинов в статье о Ломоносове, студенте Марбургского университета пишет о профессоре элоквенции И.-А. Гартмане в следующем контексте:

«...Гартман читал о римском красноречии, разбирал сочинение Цицерона *de officiis* также Тацита, Тита Ливия, Юлия Цезаря, Квинта

Курция, преподавал также географию и отечественную историю» (Сухомлинов 1861: 157).

Элоквенция и стихотворство имели в те времена прикладное назначение, а написание од и стихов было занятием многих. Это занятие оплачивалось — за речи королям и высокопоставленным лицам платили по 12 талеров, недовольные могли подать жалобу и требовать выдачи награды по «таксе, определенной уставом». По мнению М. И. Сухомлинова, именно под влиянием примера немецких литераторов М. В. Ломоносов привык смотреть на торжественную лирику как на официальную обязанность.

Сотрудница архива Марбургского университета И. Ауэрбах, автор книги “Der hessische Löwe und der russische Bär” также упоминает занятия, которые вел И.-А. Гартман: логику, универсальную историю и историю права.

Как следует из индекса лекций Марбургского университета, в апреле 1738 г. темой занятий Гартмана была работа Курция Руфа «История Александра Македонского», весьма колоритный памятник римской литературы времени раннего принципата, который он мог предлагать и для разбора на дополнительных занятиях. Вот что пишет современный латинист А. А. Вигасин в предисловии к изданию этого произведения:

«История Александра Македонского» написана Курцием в некоем смешанном жанре: для истории здесь слишком много драматических преувеличений и внимания к одной личности, для биографии — слишком много событийной истории, описаний битв и походов. Это смесь исторического повествования и риторики, где последний элемент не менее важен, чем первый <...> Курций Руф славится как мастер составления речей. Он выписывал их с особенной любовью и тщанием <...> Речи построены по всем правилам античного красноречия, даже те, которые вложены в уста простых и грубых скифов. Они изобилуют яркими образами и риторическими фигурами, часто основаны на контрастах <...> Имя Квинта Курция Руфа содержится также в списке знаменитых риторов середины I в. у Светония» (Вигасин 1993: 19).

Мы можем предположить, что М. В. Ломоносов знал эту работу Курция еще со времен обучения в Славяно-греко-латинской Академии, так как переводное русское издание было инициировано, по всей видимости, еще Петром Первым

и появилось в 1709 г. На титульном листе первого русского издания значилось: «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского, переведена повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 и напечатана в Москве того же лета в октоврии месяце». В середине XVIII в. известный ученый и писатель Степан Крашенинников выпустил свой новый перевод, затем переиздававшийся. Об этой работе Н. М. Карамзин писал как о переводе «совершенном и классическом», который «и теперь имеет цену свою, по крайней мере, в сравнении с другими переводами латинских авторов» (Цит. по: Вигасин 1993: 22). По словам А. А. Вигасина,

«Квинт Курций Руф, таким образом, внес свою лепту в развитие и русского литературного языка» (Вигасин 1993: 22).

Не берем на себя смелость утверждать, что лекции и занятия профессора И.-А. Гартмана по изучению античного риторического наследия, о посещении которых М. В. Ломоносовым нам доподлинно не известно, могли оказать сильное влияние на концепцию красноречия, созданную впоследствии российским ученым. Скорее, этот общеизвестный в европейском академическом и образовательном пространстве материал мог послужить источником опорных пунктов для последующей разработки таковой. Некоторые наблюдения позволяют сделать вывод о близости научных интересов обоих ученых в области гуманитарных наук: риторики и истории. Остановимся на уже названном сочинении Курция Руфа. Так, в «Кратком руководстве к красноречию» 1747 г. М. В. Ломоносов в числе античных авторов упоминает и Курция Руфа: на «Историю Александра Македонского» он ссылается 11 раз. Каждый раз Ломоносов берет из данного сочинения цитаты для иллюстрации примеров риторических фигур и приемов. Например, в параграфе 78 Главы пятой «О изобретении доводов» М. В. Ломоносов пишет:

«Когда две энтимемы, сделанные из условных силлогизмов, соединены будут в силлогизм или, лучше, в энтимему разделительную, тогда рождается дилемма, довод обоюдный, который ради своей остроты по справедливости рогатым называют. Так говорят скифские послы Александру Великому у Курция, в книге 7: Ежели ты бог,

то должен ты смертным делать благодеяния, а не грабить; буде же ты человек, то помни, что ты такое» (АПСС 7, 157).

В «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов приводит подробные примеры и выдержки из сочинения Курция в главе «О возбуждении, утолении и изображении страстей», в разделах о надежде (АПСС 7, 181) и гневе (АПСС 7, 184). В главе «О изобретении витиеватых речей» Ломоносов в части о вымышленном действии приводит речь скифских послов к Александру:

«И скифские послы говорят Александру Великому у Курция, в книге 7: Наконец, когда ты преодолешь весь род человеческий, то уже с легами, со снегами, с реками и с дикими зверьми войну иметь будешь» (АПСС 7, 211).

Другие цитаты из «Истории Александра Македонского» приводятся в разделах об обращении, о расположении описаний, о прямой и косвенной речи, о вводной речи, об изречении, о присовокуплении. Безусловно, Ломоносов очень хорошо знал работу Курция Руфа и трактовал ее сообразно своим представлениям о риторической традиции.

Не только элоквенция, но и история Германии была предметом лекций профессора Гартмана в период обучения М. В. Ломоносова в Марбурге. В апреле и сентябре 1738 г. исторический аспект в лекциях профессора Гартмана был представлен работами Корнелия Тацита по отечественной истории (*Collegium vero Historiae Germanicae*). Одним из новейших изданий Тацита в Библиотеке Академии Наук было франкфуртское издание 1725 г. М. В. Ломоносов читал эту работу и неоднократно ссылался на нее. Так, в полемике с Г.-Ф. Миллером по поводу диссертации «Происхождение имени и народа российского», а именно в изложении взглядов на происхождение роксоланов Ломоносов упрекает своего немецкого коллегу в незнании основополагающих источников:

«Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе...» (АПСС 6, 29).

Следуя нашим наблюдениям, укажем, что в «Древней российской истории» М. В. Ломоносов ссылается на работу Тацита «*De situ, moribus et populis Germaniae libellus*» («Книга

о положении, обычаях и народах Германии») в трактовке этнической принадлежности вендов (АПСС 6, 176).

В настоящей краткой статье представлен жизненный и научный путь немецкого просветителя И.-А. Гартмана, высказаны предположения о возможном влиянии (скорее всего — косвенном) его взглядов на М. В. Ломоносова. Данные наблюдения позволяют нам сделать вывод, что взаимовлияние немецкой и российской литературной и исторической культур в период Просвещения изучено еще далеко не полностью и постоянно открывает исследователям новые перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. АПСС — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950–1959, 1983.
Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М.; Л., 1952;
Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
2. Вигасин 1993 — *Вигасин А. А.* Предисловие // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.
3. Сухомлинов 1861 — *Сухомлинов М. И.* ЛомоносовЪ студентЪ Марбургскаго университета // Русскій вестникЪ. 1861. Т. XXXI, № 1. С. 127–165.
4. Hartmann 1742 — *Hartmann J. A.* Joh. Adolphi Hartmannni Vitae Pontificum Romanorum Victoris III., Urbani II., Paschalis II., Gelasii II et Callisti II / olim editae nunc Honorii II vita auctiores Marburgi Cattorum. Mullerus, 1742.
5. Hartmann 1741–1746 — *Hartmann J. A.* Historia Hassiaca: Historiam Hassiae, Ad Annum Usque MCLXVII, Complexa, vol. 1, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1741; vol. 2, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1742; vol. 3. Marburgi Cattorum. Mullerus, 1746.
6. Hartmann 1720 — *Hartmann J. A.* Panegyricos Friderico — Regi Suec. Hass. Landgr. cum die 2. Apr. 1720 Suecor. Rex esset renunciatus, dictus nomine Coll. Carolino. Cassel, 1720 fol.
7. Hartmann 1730 — *Hartmann J. A.* Vera mentis notion ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Religua. Marburgi Cattorum. 1730.
8. Indices — Indices lectionum et publicarum et privatarum quae in Academia Marpurgensi. [Электронный ресурс] URL: <http://archiv.ub.uni-marburg.de/eb/2011/0004/view.html> (Дата обращения: 10.03.2013).
9. Strieder 1785 — *Strieder F. W.* Grundlage zu einer Hessischen Gelehrten und Schriftsteller Geschichte. Seit der Reformation bis auf gegenwärtige Zeiten. Besorgt von F. W. Strieder. Bd 5. Cassel, 1785.

K. Manerova, M. Koryshev. Educational tradition for history and rhetoric at the University of Marburg — professor Johann A. Hartmann (1680–1744).

For the German Enlightenment period in the first half of the 18th century, the concepts “Stil” (Style) and “Geschmack” (Taste) are the most enduring constants. One of the acknowledged German masters in elocution is Johann A. Hartmann, professor of Marburg University. He wrote more than 70 works about history, philosophy, theology and rhetoric. These works contribute to the becoming of the historical and philological German tradition and to the formation of the language for the humanities. His doctrine in rhetoric might inspire the researches of the Russian scientist M. V. Lomonosov.